

◆ ЭЛВИН ◆
ГАМИЛЬТОН

ПЕСКИ

ПОТОМКИ ДЖИННОВ

КНИГА ВТОРАЯ
РОМАН

МОСКВА
2019

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Вел)445
Г18

Alwyn Hamilton
TRAITOR TO THE THRONE

Перевод с английского
Алексея Круглова

Гамильтон Э.

Г18 Пески: трилогия. Потомки джиннов, книга вторая: роман / Элвин Гамильтон ; пер. с англ. Алексея Круглова. – М. : ООО «Издательство Робинс», 2019. – 480 с.

ISBN 978-5-4366-0595-1

С тех пор как Аmani узнала тайну своего происхождения, прошло полгода. Мир изменился: города полыхают, люди обращаются в пепел, шпионы-друиды просачиваются сквозь каменные стены, боевых роботов заряжают магией, а полукровкам-демджи зашивают под кожу железо, чтобы лишить возможности колдовать.

Героям предстоит найти ответы на множество вопросов. Что замышляет султан и чего хотят повстанцы? Кто лучше для страны – умный садист или благородный и гуманный глупец?

Вас ждёт отлично переданная атмосфера песков, магия джиннов и прочих сказочных существ из «1001 ночи». Эта книга полна обманов, как и Восток, о котором она повествует.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Вел)445

First published in USA by Viking Penguin in 2017
First published in UK by Faber and Faber Ltd in 2017
Bloomsbury House, 74-77 Great Russel Street, London
WC1B 3DA

All rights reserved

© Blue Eyed books Ltd., 2017

Cover Design © Faber and Faber Ltd.

Оригинальное издание впервые опубликовано на английском языке в 2017 году под названием TRAITOR TO THE THRONE издательством Викинг, Пингвин Рандом Хаус, 375 Хадсон-стрит Нью-Йорк, Нью-Йорк 10014

© ООО «Издательство Робинс», перевод,

издание на русском языке, 2019

Все права защищены. Любое копирование разрешено только с письменного согласия правообладателей

ISBN 978-5-4366-0595-1

Глава 1

Чужеземный принц

Когда-то в стране под названием Мирадж среди раскалённых песков жил юный принц, которому очень хотелось занять трон своего отца. Ждать своей очереди предстояло слишком долго, а отца принц считал слабым правителем в отличие от себя самого и потому забрал власть силой. В одну кровавую ночь его меч и пришедшая на помощь армия чужеземцев сразили и султана, и всех других наследников. Когда наступил рассвет, юный принц уже не был принцем. Он стал султаном.

Жён в свой гарем новый правитель брал точно так же, как и власть, то есть силой. В первый же год сразу две новые жены произвели на свет сыновей под одними и теми же звёздами. Одна жена была местная, и для её сына пустыня была родной, но другая родилась за морем, в далёкой стране Сичань, и выросла на борту корабля. Сын чужеземки пескам не принадлежал.

Тем не менее братья росли вместе, и матери спасали их от бед, от которых не могли оградить

стены дворца. До поры до времени в султанском гареме царили мир и спокойствие – пока первая жена не родила вновь, однако на этот раз не от султана. Ребёнок принадлежал джинну – девочка с огненно-алым цветом волос и таким же огнём в крови.

Гнев султана обрушился на жену-изменницу, и она скончалась, не выдержав избиений. На счастье, в пылу ярости муж позабыл о другой жене, и той удалось бежать. Она вернулась на родину, откуда была когда-то выкрадена, захватив с собой обоих сыновей султана и новорождённую дочь джинна. За морем, в стране Сичань, младший принц, наоборот, был своим, а принц песков оказался чужеземцем, как прежде его брат в Мирадже.

Однако и здесь оба принца не пробыли долго и, едва повзрослев, ушли в море на борту купеческого корабля.

До поры до времени всё шло хорошо: корабль бороздил океан, приходил из дальних краёв и уходил в другие, равно чуждые для обоих братьев. Однако настал день, когда на горизонте показались берега Мираджа.

Принц песков увидел свою страну, вспомнил, где его место, и оставил корабль. Звал с собой и брата, но чужеземный принц отказался. Страна отца показалась ему пустой и голой – как можно любить её и тянуться к ней? Так дороги принцев разошлись. Чужеземец вновь ушёл в море, гневаясь в душе на брата, который

предпочёл пустыню, но не смог долго выдержать разлуки.

Когда он вернулся, Мирадж уже охватило пламя восстания, которое возглавил принц песков. Брат был одержим идеями равенства и всеобщего благоденствия, его окружали единомышленники – новые братья и сёстры, – но мятежный принц с радостью принял того, кто был его братом с самого рождения.

Потом появилась девушка, прозванная Синеглазым Бандитом. Выросшая в песках и закалённая ими, она несла в себе их огонь. Тогда чужеземный принц и понял впервые, как могла привлечь брата эта пустынная страна. Синеглазый Бандит вместе с чужеземцем пересекли страшное Песчаное море и приняли участие в великой битве под стенами города Фахали, где окопались иностранные союзники султана.

Это была первая большая победа восставших – они защитили жителей пустыни от огня джиннов, выпустили на волю владевшего им полукровку-демджи, которого султан насильно превратил в чудовищное оружие, и покончили с одним из султанских сыновей, проливавшим кровь подданных во славу отца. В результате рухнул и его союз с иностранцами, что десятилетиями оскверняли пески. Часть пустыни перешла в руки мятежников.

Весть о битве при Фахали разнеслась быстро, но вместе с тем стало ясно, что власть в стране шатается. На пески Мираджа обратились новые взгляды, жадные и завистливые.

Только здесь, в этих жарких краях, могли сосуществовать древние существа и современные механизмы, магия и железо, и только Мирадж мог производить ружья и пушки, вооружая северян, сражающихся друг с другом у себя дома. Власть над песками означала власть над миром.

Армия за армией шли через море со всех сторон, правитель за правителем требовали нового союза, который означал новое рабство. На границах было беспокойно, и султан был вынужден держать там всю армию, а мятежники между тем действовали изнутри, захватывая в пустыне город за городом и привлекая жителей на свою сторону.

Восстание ширилось, и у принцев с Синеглазым Бандитом всё складывалось удачно – до поры до времени. Затем удача стала изменять. Два десятка бойцов угодили в засаду и были окружены в песках. Горожане, выкрикивавшие имя мятежного принца Ахмеда, встретили рассвет пустыми глазами мертвецов, а синий взгляд Бандита едва не померк навеки, когда при отступлении в горы девушку сразила пуля.

Тогда их пути с чужеземным принцем впервые разошлись. Он находился на восточной границе пустыни, где высадилась армия сичаньцев. Одетый в краденую форму и зная язык, проник в их ряды, чтобы выведать военные секреты для своего брата, мятежного принца. Всё складывалось удачно, но потом из лагеря султана явился парламентёр в белом, расшитом золотом мундире и принёс послание. Чужеземный принц

был готов на всё, лишь бы узнать, что там написано, но стараться особо и не пришлось: не подозревая в нём врага обеих сторон, его вызвали в штабной шатёр и назначили толмачом на переговорах.

Как оказалось, султан просил перемирия. Он устал от кровопролития и соглашался на новый союз. Правитель Мираджа звал иностранцев, желавших присвоить его страну, к себе во дворец, чтобы торговаться.

На следующий день парламентёр отправился обратно с письмом от сичаньского императора. Пушки умолкли, перемирие вступило в силу. Что дальше? Переговоры, мир с захватчиками – армии, которые до сих пор были связаны на внешних границах, перебросят для усмирения восстания. Взор правителя песков вновь обратится внутрь страны.

Чужеземный принц понял: пора возвращаться к брату. Воевать предстояло всерьёз.

Глава 2

«Любимая рубашка вся в крови, как жаль. Ну хотя бы кровь по большей части не моя. Впрочем, и рубашка тоже – позаимствовала у Шазад, да так и не отдала. Теперь, наверное, она и не захотела бы её обратно...»

– Стоять!

Грубая верёвка рванула истёртые запястья. Я зашипела от боли и выругалась вполголоса, поднимая взгляд от своих пыльных сапог. Заходящее солнце слепило глаза, от стен Сарамотая тянулись навстречу длинные тени. Овеянные легендами, эти стены видели ещё самую первую войну на земле, когда первый смертный, созданный древними, дрался с Разрушительницей. Казалось, их построили из костей самой пустыни. Однако надпись, неряшливо выведенная над городскими воротами, была совсем новой: «Добро пожаловать в свободный город!» Потёки белой краски засохли на жаре в трещинах древних камней.

«Ничего себе, свободный город, куда меня тащат связанную, будто козу на верёвке». Хотелось высказаться, но сейчас это было бы неразумно.

– Назовите себя, или я стреляю! – раздался крик со стены.

Несмотря на грозные слова, ломкий голос юнца никак не впечатлял. Я прищурилась по-верх куфии, разглядывая паренька, наставившего сверху ствол. Лет тринадцать на вид, худенький, голенастый, где ему справиться с тяжёлым ружьём... а между тем у нас в Мирадже приходится справляться, если хочешь выжить.

– Это же мы, Икар! Ты что, идиот?! – заорал под самым ухом тот, кто держал меня.

Я поморщилась. «Зачем так громко?»

– Открывай ворота, живо, не то, клянусь Всевышним, пожалуюсь твоему отцу, и он отделает тебя как лошадиную подкову, чтобы впровить мозги!

– Хоссам, ты? – Мальчишка всё ещё дёргался и не торопился убирать ружьё, держа палец на спусковом крючке.

«Не выпалил бы случайно...»

– Кто там с тобой? – Он качнул стволом в мою сторону, и я инстинктивно сгорбилась, повернувшись боком. «Целиться небось не умеет, но мало ли что – лучше уж пуля в плече, чем в груди».

– Она? – В голосе Хоссама прорезалась нотка гордости, и он грубо вздёрнул моё лицо к солнцу, словно хвастался добытой дичью. – Это сам Синеглазый Бандит!

Моя кличка теперь имела вес, вызывая почтительное молчание. Даже снизу было заметно, как юнец на стене вытаращил глаза и отвесил челюсть.

– Открыть ворота! – завопил он, опомнившись и исчезая внутри. – Живо, открывайте!

Огромные створки разошлись с тягостным скрипом, натужно преодолевая песчаные наносы. Хоссам поспешно толкнул меня вперёд, остальные двинулись следом.

Древние ворота приоткрылись лишь немного, пропуская людей по одному. Прошедшие тысячелетия не смогли подточить мощь постройки, возведённой на заре человечества. Цельнолитые железные створки имели толщину в размах человеческих рук и управлялись системой грузов и блоков, которую до сих пор не смог воспроизвести ни один город. Разбить такие ворота не было под силу никому, как и перелезть через стены Сарамотая. Проникнуть в город могли разве что пленники, связанные и под конвоем, так что мне, можно сказать, повезло.

Сарамотай стоял западнее горного хребта, то есть принадлежал мятежникам – во всяком случае, так считалось и так объявил принц Ахмед после битвы при Фахали. Большинство западных городов признали его власть вскоре после того, как иноземцы-галаны, владевшие этой половиной пустыни, убрались восвояси, и мы не встречали в их стенах сопротивления. В Сарамотае всё сложилось иначе.

«Добро пожаловать в свободный город!»

Здесь жители установили свои собственные законы, став мятежниками вдвойне. Принц Ахмед слишком много рассуждал о равенстве и справедливости, и сарамотайцы решили,

пользуясь случаем, перейти от слов к делу – поделить все богатства поровну. Чем это закончилось, понятно. Теперь во дворце местного эмира, ныне покойного, жил и правил городом некто Малик аль-Киззам, его бывший слуга.

Мы послали людей в город разведать, что происходит, и что-нибудь сделать. Они не вернулись. Оставлять всё как есть было нельзя... И вот я вхожу в неприступные ворота – туго связанные за спиной руки онемели, на груди свежая рана от ножа, чудом миновавшего горло. Повезло, нечего сказать. Тем не менее повезло.

От нового тычка в спину я споткнулась и растянулась на песке, больно ударившись локтем об угол приотворённых ворот. Приподнялась, шипя от боли, вся в песке, налипшем на потное тело.

«Вот же сукин сын!»

Хоссам раздражённо дёрнул за верёвку, поднимая меня на ноги. Железные створки с гулким лязгом захлопнулись за спиной. Горожане явно чего-то опасались.

Перед воротами уже собралась небольшая толпа. Люди молча таращились, многие сжимали в руках ружья, и стволы были направлены на меня. Похоже, имя Синеглазого Бандита здесь и впрямь знали хорошо.

– Хоссам, – заговорил наконец какой-то старик, проталкиваясь вперёд и окидывая меня хмурым взглядом. Он выглядел спокойнее других, – что случилось?

– Мы поймали её в горах, – хрипло объяснил мой охранник. – Сидела в засаде, когда мы шли назад с грузом оружия.

Двое остальных сбросили с плеч тяжёлые мешки, словно хвастаясь, что героически отбили их у меня. Оружие так себе, не мираджийское, а из Амонпура, ручной работы, с затейливой резьбой и вдвое дороже, чем оно стоит. «Можно подумать, есть разница, из какого ствола вылетит пуля, которая тебя убьёт», – так говорит Шазад.

– Она одна? – хмыкнул старик, снова глянув на меня, словно надеялся по одному виду узнать правду.

В самом деле, как может семнадцатилетняя девчонка рассчитывать справиться с полудюжиной взрослых мужчин, имея один револьвер с горсткой патронов? Неужели знаменитый Синеглазый Бандит настолько глуп... или отчаян?

Я угрюмо молчала, боясь сказать что-нибудь лишнее. Сейчас главное – не дать себя убить. Если ничего не выйдет, хотя бы уйти живой.

– Ты и правда Синеглазый Бандит? – выпалил вдруг Икар, обращая на себя все взгляды. Мальчишка спустился со своего наблюдательного поста и с любопытством глазел на меня, подавшись вперёд и перегнувшись через ствол ружья. (Если случайно выпалит, останется без головы.) – Это правда, что о тебе говорят?

«Молчать, смотреть себе под ноги. Главное – остаться в живых...»

– Смотря что говорят, – усмехнулась я. «Не утерпела-таки!» – Ты поосторожней с ружьём.

Он рассеянно отодвинул ствол, не сводя с меня глаз.

– Ну... что ты попадаешь человеку в глаз с тридцати шагов в темноте... а в Ильязе проскочила под градом пуль и унесла секретные планы султана.

Я запомнила Ильяз несколько иначе, и одна пуля меня там всё-таки нашла.

– А ещё, – не унимался юнец, – что соблазнила одну из жён джалазского эмира, когда он посещал Изман!

«Вот ещё новости! Про соблазнение самого эмира мне слышать приходилось, но жены...»
То ли ей и впрямь нравятся женщины, то ли Синеглазый Бандит в этой части легенд представлял мужчиной. Правда, я давно уже не переодевалась в мужское платье, но и до женских форм, видимо, ещё не дотягивала.

– На улицах Фахали ты одна убила сотню галанских солдат! – продолжал Икар сбивчиво, округлив глаза, как два пятака. – А из Малала улетела на спине огромного синего рухха, оставив за собой засыпанный песком молельный дом... – Он запнулся, переводя дух.

– Не стоит верить всему, что слышишь! – вставила я, воспользовавшись паузой.

Мальчишка разочарованно сник. В его годы я тоже готова была верить каждому слову взрослых, но такой мелкой себя даже не помню. Не место ему на крепостной стене, да ещё с огромным ружьём... Вот что делает с нами огненная пустыня – превращает в воинственных романтиков.

Я провела языком по пересохшим губам.

– А с тем моельным домом... там случайно вышло... почти.

По толпе пробежал тревожный шепоток, отозвавшийся у меня мурашками страха. Что ж, куда деваться – лгать грешно.

С тех пор как мы с Ахмедом, Жинем, Шазад, Халой и близнецами Иззом и Маззом стояли у стен Фахали, прошло уже полгода. Тогда против нас выступали сразу две армии и Нуршем – демджи, обращённый султаном в страшное смертельное оружие. Демджи, оказавшийся моим братом.

Выстоять против такой силы казалось невозможно, но мы выстояли и победили, а слухи о битве при Фахали разнеслись по всей пустыне ещё быстрее, чем в своё время – о султимских состязаниях. Я слышала эту историю десятки раз от людей, не подозревавших, что их слушает участник событий, и с каждым пересказом наши подвиги становились всё невероятнее, а в конце каждый раз возникало ощущение, что это ещё не конец. Так или иначе, после того сражения пустыня не могла остаться прежней.

Легенда о Синеглазом Бандите также обрастала всё новыми подробностями, так что я и сама себя в ней едва узнавала. Меня называли воровкой, говорили, я сплю с нужными людьми, чтобы добыть сведения для мятежного принца, и убила собственного брата.

Последнее бесило больше всего, потому что едва не случилось на самом деле: палец мой уже лежал на спусковом крючке. Тем не менее

брату я дала уйти, что было чуть ли не хуже. Теперь он бродил неизвестно где, обладая своей жуткой разрушительной силой, и, в отличие от меня, не мог воспользоваться помощью и советом других демджи.

Иногда поздно ночью, когда весь лагерь засыпал, я произносила вслух, что Нуршем жив, чтобы проверить, правда ли это. Пока выговорить удавалось без труда, но меня терзал страх, что настанет день и слова застрянут в горле. Это будет означать, что брат мой, одинокий и перепуганный, погиб где-то посреди безжалостной, охваченной войной пустыни.

– Если она так опасна, как говорят, надо её убить, – донеслось из толпы.

Слова принадлежали мужчине с ярко-жёлтым офицерским шарфом через плечо, явно сшитым из обрывков. Такие же я заметила у некоторых других. Очевидно, новые знаки отличия прежде принадлежали убитым стражникам. Говоривший держал ружьё, нацеленное мне в живот. «Плохая рана, медленно убивает».

– Синеглазый Бандит в друзьях у принца Ахмеда, – возразил кто-то. – Значит, она на нашей стороне?

Вопрос на миллион фауза.

– Просто чудесное обращение с союзником, – фыркнула я, демонстративно пошевелив связанными руками.

Толпа загудела. Выходит, не такие они тут сплочённые, как кажется из пустыни при виде неприступных стен.

– Так, может быть, развяжете меня и поговорим спокойно?

– Неплохо придумано, Бандит. – Хоссам усилил хватку. – Даже не думай добраться до ружья. Мне доводилось слышать, как ты одной пулей свалила десятерых.

«Какие глупости! Такое вообще невозможно. К тому же, чтобы убить десятерых, ружьё мне совсем не требуется. Смех, да и только, – связали простой верёвкой. Касайся меня хоть кусочек железа, другое дело, а так могу хоть сейчас разметать их всех песчаным вихрем. Только мне это сейчас не нужно, план совсем другой».

– Пускай Малик сам решает, что делать с Бандитом, – изрёк наконец старик, нервно потирая подбородок. Имя нового повелителя он произнёс с опаской.

– У меня есть имя, – заметила я.

– Малик ещё не вернулся, – буркнул тот, что целился в живот. Похоже, он волновался больше всех. – Пока его нет, она может устроить что угодно.

– Если что, меня зовут Аmani, – продолжала я, но никто не слушал. В толпе начался спор. Коллективные решения никогда не бывают быстрыми – если они вообще бывают.

– Запрём её, пускай ждёт Малика! – выкрикнули из задних рядов.

– Правильно! – поддержал другой голос. – В тюрьме она ничего не сделает.

Послышались одобрительные возгласы, и старик, подумав, коротко кивнул.

Толпа раздалась в стороны, пропуская нас с Хоссамом. Далеко пройти, впрочем, не удалось, нас снова зажали. Люди протискивались вперёд, чтобы лучше рассмотреть знаменитого Бандита. Ну и кого они увидели? Девчонку моложе их собственных дочерей, с разбитой губой и волосами, прилипшими к окровавленному, покрытому потом лицу. Легенды никогда не оправдываются при близком рассмотрении, и я не стала исключением. Единственным моим отличием от обычной тощей и смуглой обительницы пустыни были ярко-синие глаза, сияющие, как полуденное небо над песками или раскалённое пламя.

– Ты что, одна из них? – прорезался сквозь общий гомон пронзительный голос.

Вперёд выбилась женщина в жёлтой куфии с вышитыми цветами, синими, почти как мои глаза. На лице её читалось такое отчаяние, что я невольно вздрогнула. «Из них» она произнесла с особым выражением. «Неужели угадала?»

Даже те, кто знал о существовании демджи, как правило, не могли меня опознать. Мы, дети джиннов и смертных женщин, на удивление похожи на обычных людей. Даже я сама до семнадцати лет понятия не имела, просто считала себя наполовину чужеземкой.

Понять можно только по глазам, да и то если нарочно присматриваться. Видимо, эта женщина в курсе.

– Хоссам! – обратилась она к моему конвоиру, с трудом проталкиваясь следом. – Если она

из них, то стоит не меньше моей Ранаи! Почему бы не заменить её? Если...

Хоссам молча оттолкнул её и поволок меня дальше. Женщина вновь смешалась с толпой.

Древние улочки Сарамотая были столь узки, что зеваки поневоле начали отставать и вскоре почти рассеялись. Слева и справа в сгущающемся вечернем сумраке нависали стены – так близко друг к другу, что кое-где я задевала их обоими плечами. Мы прошли между двух ярко расписанных домов с выбитыми дверями. Проемы и окна забиты досками, на стенах – пороховая копоть. Чем дальше, тем больше попадалось следов войны – пришедшей изнутри, а не из песков. «Беспорядки в городе?»

Вонь разлагающейся плоти я почувала прежде, чем увидела трупы.

Под тесным арочным проходом, завешенным ковром, пришлось наклонить голову. Оказавшись во двореке, я обернулась. Наверху вдоль стены висело две дюжины мёртвых тел с выклеванными глазами. Уже трудно понять, старики это или молодые, но все, без сомнения, из богатых. Стервятники не тронули их халатов из тонкого шёлка с разноцветной вышивкой.

От запаха меня чуть не вырвало. Смерть и жара успели поработать на славу. Солнце садилось за стеной, а значит, светило на повешенных с самого утра.

«Новый рассвет, новые пески».